

На губах Цзян Ни играла улыбка, она прикусила губу, и ямочки на щеках были очень милыми.

Её взгляд был полон чувств, и она тихо сказала:

— Чу-чу, когда ты так стесняешься, как же я буду целовать тебя в будущем?

Щёки Цзян Чу невольно вспыхнули, она втянула голову и глухо пробормотала:

— Цзян Ни, не соблазняй меня своей красотой.

— Если мне удастся тебя соблазнить, это будет для меня честью.

Она ещё подумала, что, если бы не притворялась спокойной, то, возможно, сейчас набросилась бы на неё, как голодный волк на овцу.

Хотя ощущения от поцелуя в одиночку и вдвоём совершенно разные.

Но ей так нравились поцелуи Цзян Ни.

Словно съела кусочек снежного лотоса — в груди разлился аромат, и всё тело стало мягким и расслабленным.

По дороге они собирались запустить речные фонарики. Такое важное дело она не могла пропустить.

Цзян Чу держала её за руку и, повернув голову, спросила:

— Почему этот мужчина всё время к тебе приходит?

— Он из моей родной деревни. Я так долго отсутствую, он просто хочет убедиться, что я в безопасности.

— Этот дядя помог нам, поэтому я верю, что он хороший человек, но он постоянно появляется перед тобой, и я боюсь, что однажды он уговорит тебя уйти с ним.

Цзян Ни протянула руку и ущипнула её за кончик носа:

— Глупая, если я и уйду, то возьму тебя с собой.

Цзян Чу слегка опешила.

Она никогда не покидала Деревню Фаньхуа, жила здесь беззаботно и не знала, сможет ли

привыкнуть к жизни за её пределами, в других горах.

Впрочем, обычно Цзян Ни мало рассказывала о своих домашних, она только упомянула, что у неё есть старшая сестра, и Цзян Чу не знала, легко ли с той сестрой будет поладить.

На реке Доцзян собралась толпа — все сплошь парочки. Они держали в руках речные фонарики, стояли у воды и отпускали их в плавание.

Таков был местный обычай. Цзян Ни, следуя ему, поставила фонарик в виде феникса у реки и смотрела, как он покачивается на воде, медленно уплывая прочь.

Фонарик Цзян Чу в виде черепашки плыл по воде. Они стояли очень близко друг к другу, и Цзян Чу сказала:

— Цзян Ни, загадай желание.

— М-м.

Они сложили ладони вместе, закрыли глаза и молча загадали желания.

Кругом сверкали бесчисленные огни, шумела и веселилась толпа, выступали акробаты, а в небе, у самого горизонта, расцветали и гасли фейерверки, исчезая в тонких сумерках.

Когда церемония закончилась, Цзян Чу увела её и направилась в парк аттракционов.

Там проходил большой вечерний праздник, и на дорогах были пробки.

В парке было полно детей и взрослых. Цзян Чу заплатила за вход и потащила её к карусели.

— В детстве я больше всего любила карусель. Издалека она была похожа на замок лебедя, и у меня была красивая мечта. У нас не было денег, и каждый раз, когда мы выходили, я могла только смотреть со стороны, как катаются другие дети. Бабушка тогда только один раз покаталась со мной.

Цзян Ни утешающе погладила её по голове:

— Ничего, теперь я буду с тобой.

Глаза Цзян Чу сияли, она слегка кивнула.

Как же красиво она улыбалась!

Они покатались на карусели и на других аттракционах: на «американских горках», на «летающих стульях» — перепробовали всё самое интересное. Цзян Ни тоже была здесь впервые, и на высоте у неё слегка захватывало дух.

Девушки устали играть и решили возвращаться.

Они пошли обратно, держась за руки. Всю дорогу Цзян Ни крепко сжимала её ладонь, и они шли, то и дело целуясь.

Цзян Чу была очень стеснительной, и от этих выходов её щёки краснели. Они вышли без велосипедов, и если идти пешком, то до дома доберутся только завтра.

Цзян Ни, казалось, пристрастилась к поцелуям: губы у Цзян Чу были мягкими, как пудинг, сладкими и нежными на ощупь, чуть пухлыми и трогательными.

Она остановилась, наклонила голову, и, приподняв подбородок Цзян Чу пальцем, легко коснулась её губ — тёплых и влажных.

Цзян Чу от её поцелуев уже не могла поднять головы, ей приходилось прикрывать лицо рукой, когда она шла, и румянец расползался до самой шеи.

— Цзян Ни, иди нормально.

— Я и иду нормально.

— Ты ведёшь себя так, что другим будет неловко смотреть.

Цзян Ни просто не могла удержаться, чтобы не поцеловать её. Лучше бы она превратилась в паровую булочку, чтобы можно было откусить кусочек.

Щёки у неё были мягкими, когда целовала кончик носа, сердце начинало биться как бешеное, а уши становились горячими.

Это было почти что неконтролируемо.

Так они и шли: три шага — один поцелуй, не обращая внимания на взгляды прохожих.

Цзян Чу поправила чёлку, посмотрела своими чёрными глазищами и, сжав розовые губы, спросила:

— Раньше ты так себя не вела. Твои движения такие отточенные... У тебя раньше были

девушки?

Цзян Ни внезапно застыла.

— Почему ты так говоришь?

—... М-м, ты так хорошо целуешься. Не то что я, у меня ноль опыта, я даже не умею целоваться. Судя по тому, как умело ты это делаешь... Неужели у тебя и правда был опыт раньше?

Цзян Ни молчала.

Она просто подошла к ней поближе и, переплетя свои пальцы с её, сказала:

— То, что было раньше, — это прошлое. Сейчас я целую тебя. Тебя это волнует?

Цзян Чу не знала, что ответить. Прошлые дела — они в прошлом.

Конечно, даже если бы она хотела это волноваться, у неё не было способности перемещаться во времени.

Она покачала головой.

— Меня это не волнует. Это часть твоего жизненного опыта.

Фонарный столб высился прямо, заливая всё вокруг жёлтым светом, отбрасывая на землю их тени.

В ушах слышался чистый и звонкий ветер, листья с деревьев слетали на землю, оставляя за собой рваные тени.

В наклонном небе висел серп луны, излучая серебристо-белый свет.

Цзян Чу молчала и медленно шла.

Цзян Ни, словно невзначай, коснулась её мизинца и тихо спросила:

— Ты сердишься?

— М? Нет, — Цзян Чу подняла голову, на мгновение замешкалась и сказала: — У каждого в жизни бывают свои люди и события, которые ему суждено пережить. Это твоё право.

Брови Цзян Ни изогнулись, её прекрасные глаза потемнели:

— Что пережить? Кого, по-твоему, я должна была пережить?

<http://bllate.org/book/19578/1919856>